

Мне довелось встречаться со многими художниками в России, на Украине, в Белоруссии, Средней Азии, Грузии, Прибалтике. Среди них были крупные, вошедшие в историю мастера. Случались длительные общения. Товарищеские отношения сложились со Станиславом Косенковым — белгородским графиком. Приезжая в Белгород, я всегда встречался с ним, а он, оказываясь в Москве, бывал у нас дома. Разговор нередко затягивался до полуночи. Это был яркий, глубокий человек. Он не порхал мыслями по поверхности, выкрикивал в жизнь, и в искусство великих предшественников сосредоточенно и основательно. Когда заходила речь о творчестве, тут были и Микеланджело, и Леонардо да Винчи, и голландцы, и китайцы, и импрессионисты, и русские передвижники — чуть ли не весь каскад художественной культуры мира. Он выявлял глубинное и сокровенное. И было это не вычитанное, а свое, извлеченное из самых корней их творческого опыта. Так и с писателями. Говорили о Пушкине, Толстом, чаще всего об особо любимых им Достоев-

ском и Лескове. И тут все было оригинально и ново.

На этой базе, на этих вершинах восходило его творчество. Потому оно не злободневно, не на «тему дня», а по-настоящему современно и органично даже в ряду крупных талантов старших поколений. Сознвая недюжинный талант в себе, он брал дерево по плечу — работал над книгами не только современных авторов, но и писателей-классиков. «Чтобы иллюстрировать классику, — прочитал я в каком-то альбоме, — художник должен обладать широкой эрудицией в области истории, этнографии, быть знатоком интерьера, костюма, быта, свободно чувствовать себя в любой исторической обстановке, предложить фактический материал истою и скрупулезно, потому так удачны многие его работы. Жизнь художника оборвалась трагически... Поживи он не 50 лет, а подольше, — я уверен, это был бы мастер мирового класса.

В советские годы мне удалось заинтересовать Косенковым руководство Белгородской области, и оно представило его к

званию заслуженного художника РСФСР. Благодарен я губернатору Евгению Степановичу Савченко, уже после ухода художника из жизни сразу же, без оттяжки откликнувшись на просьбу организовать на основе мастерской Косенкова музей и издать альбом его работ. Правда, не думал, что альбом выйдет таким толстым и невостребованным. Составители явно погорелись, не сумели широко и целостно представить художника, оставившего большое наследство — свыше 6000 работ. И снабдить бы альбом предисловием серьезного и вдумчивого исследователя. Надеюсь, так оно и будет в недалеком будущем. В нашей семье сохранилась часть писем Станислава Степановича, присланных в 1980—90-е годы. Среди них и адресованные дочери, активно популяризовавшей его творчество. Мне кажется, сделанные из писем извлечения дают возможность полностью представить Косенкова как художника и человека.

Н. ИГРУНОВ.

ного тянет и обязывает больше сделанного. Если мои работы пройдут на очередную выставку «Советская Россия» и Всесоюзную иллюстрацию, то у меня в этом году своеобразный юбилей: исполнится 100 лет моему рождению на выставках всех рангов, от персональных до международных...

...в моей одиночной кутерьме, когда постоянно один на один с автором или самим собой, когда автор сам, бывают и светлые моменты. В июле в Белгороде был детский хоровой коллектив «Пионерия» из Москвы под руководством заслуженного артиста РСФСР Георгия Струве. Он, скрыв в городе все мои подборки, завалил ко мне. Он весь в идеях и весь всегда в работе и никаких переусдов: тот такой, тот такой, а я хороший. И всегда в деле: посмотрел мои работы — потянул меня на репетицию хора... Конечно, мне было лестно, что он представил меня всему хору, и девочка-имениница (у них такой обычай), став дирижером, на свой выбор исполнила с хором для меня песню. Я был так ошарашен всем, что не помню, что именно. Но этим делом не кончилось: на следующий день я провел у них свой творческий вечер. Они подарили мне одну рюмку, свою пластинку (это у них 33-я!) и... целый концерт, который закончился в 23 часа. Для детей познательно. А еще через день он (Струве) устроил мне еще один сюрприз на концерте для Всесоюзной школы туристов. Среди концертов он вдруг объявил, что он здесь, в Белгороде, встретился с художником, и эта встреча дала им творческий заряд по крайней мере на год... Объявил, что он (я) здесь и они приветствуют меня песней Варламова «Белеет парус одинокий». Я не ожидал такой интеллигентной нормальности и сидел как пришибленный, не подошел, не поблагодарил его, даже не встал, а когда шел с концерта в мастерскую, просто плакал. Теперь же, когда мне скверно и не по себе, я ставлю его пластинку, где, к счастью, оказалась и песня «Белеет парус одинокий», и ощущаю сознанием того, что не все еще проникнуто выжужжением и халявизмом, а есть у творческой интеллигенции корни искреннего джентльменства и взаимного уважения, восхищения и благодарности... В мае месяце я был в командировке в Женеве, где делал экспозицию международной выставки

Станислав КОСЕНКОВ: «НЕЛЬЗЯ ДОПУСКАТЬ, ЧТОБЫ ЧУВСТВА И УМ ЛЮДЕЙ СПАЛИ»

Дорогой Николай Стефанович! Пишу Вам как самому близкому человеку, чтобы поделиться с Вами своими горестями и радостями. Вы появились в моей жизни в один из критических моментов. Я не могу похвастаться, что меня кто-то поддерживал в жизни и делах моих, прокладывал себе дорогу в жизнь только делом рук моих и, к сожалению, мало пользовался умом и словом, считал, что важна работа, а не слова. В принципе во многом я оказался прав. Я могу назвать два человека в моей жизни, сыгравших решающую роль, — это Василий Григорьевич Шуклин и Василий Дмитриевич Эрмилов. (Первый — художник, второй — преподаватель художественного училища. — Н. И.). Жалею, что не сумел в свое время выразить свое спасибо, и не хочу, чтобы это повторилось у меня с Вами.

Ваша своевременная поддержка в корне изменила официальное ко мне отношение в Белгороде, которое, благодаря усилиям «сотарицей» по искусству, было более чем настороженным; восстановила мою веру в нужность для других моего дела, без чего работа для меня теряет всякий смысл. Я стою на том, что я сам, а не мои родственники, и для этого мало самоосознания. Теперь я понимаю Вас, что, чтобы быть услышанным, иметь право сказать свое слово — надо утверждать во всех отношениях. Иначе сделанное просто не увидят. Будут смотреть, понимать, чувствовать, но не «видят»... Подобное случилось и с моей серией «Память». На выставку ее «пока» не взяли. Я уже много передумал и пережил по этому поводу, слишком дороги мне эти работы...

Сейчас я понимаю, что надо мне их показывать во всем многообразии и многообразие моего замысла, так как я Вам это рассказывал, но для этого надо 3—5 лет. Это должен быть цикл из нескольких серий. Отдельно «Память» звучит слишком трагично, но рядом с «Окопами» они по-настоящему светлеют. Сейчас нельзя допускать, чтобы чувства и ум людей спали, когда все озабочены «вещишками» и «приятностями» жизни, когда атрофируются нравственные сочувственные и соболезнующие центры и окончания. Переодо мной великие образцы истинного мужества и творчества: «Ужасы войны» Гойи, «Ужасы Хиросимы» Ири и Готсио Маруки, «Герника» Пикассо, «Апофеоз войны» Верещагина! Нельзя допускать «сон разума», нельзя, чтобы «Ах, мой милый Августин...» победил «Марсельезу»!

...Много читая, «отхожу» от дел своих тижиков, иногда даже думаю и кажется, что верно, но «слухи» художник мыслит не в материале, то он мыслит не как художник. Поэтому иногда приходят мысли выразить себя не зримо пластически, а непосредственно интеллектуально или художественно-беллетристически. Хотя все время зреет во мне убеждение, что в изобразительном искусстве я выражаю себя не полностью, остается вакуумное пространство, попададая в которое, душа захлебывается, но я слишком безграмотен в литературном отношении и слишком эмоционален, слабый пейзажист и неприметливый наблюдатель. Единственная надежда таится в моем убеждении, что истинное начинается с отрицания и со слабости... Это всегда начало и основа убежденности до иступленности. Но начинать писать слишком поздно, да и не находится форма выражения, поэтому пишу я буду «литератором» в своем родном деле — графике, которому отдано вот уже более 20 лет. Первая моя гравюра датируется 57-м годом.

Зачем я все это писал — не знаю? Хотя, впрочем, и знаю, мне каждой своей серией хочется сделать какое-то литературное эссе (о среднерусской полосе). Растет во мне какой-то протест следования за чужой литературно сложной канвой, зара-

ннее, впрочем, всем известной, можно рассчитывать только на уникальность интонации в трактовке всем знакомом. Это дает большую долю популярности и понимания. Некоторые говорят

печатаются в каталогах, работы покупают музеи, Секретариат СХ РСФСР представил меня к медали «За трудовую доблесть» — видимо, старую, т. к. радости все это приносит на 2—3 часа.

бы ноги. Приходится шевелиться самому, и вот недавно музей Гайдара в Арзамасе купил 5 гравюр, а сейчас веду переписку с литовскими музеями... В Фонде мне не дают работу уже 3-й год и не закупают... Жить так тяжело, иногда невыносимо, но чувство собственного достоинства и независимости придает мне силы для работы, чего я и добиваюсь. Но надолго ли меня хватит? Не понимаю, как я живу и как работаю, любое мое участие в выставках или выступлении встречают в штыки, вызывают злобу и отчуждение и создают то самое «окружение все туже. Но, душа, не страшись: Смерть живая — не ужас, Ужас — мертвая жизнь».

Я с утра и до последнего троллейбуса в мастерской, а если приезжаю вечером, чтобы пообщаться с детьми и уложить их спать со «Сказками народов мира» (сейчас — наше любимое чтение), то, уложив их, уезжаю на «ночное» — работать... Лесков засел во мне настолько глубоко, что не могу «отстать» его в сторону, особенно после нового, уже очень внимательного, прочтения книги его сына Андрея «Жизнь Николая Лескова». Пожалуй, никому из русских писателей не досталось в жизни столько оплеух, затрещин, поборов и, самое главное, со всех сторон — и «прогрессивистов», и «реакционеров». А эта выматывающая все соки газетная «повседневщина»! Сейчас komponую «Соборян», «Житие одной бабы», третьекратно незабвенную Домну Платонову и подбираю к «Мелочам архиерейской жизни». Что из этого удастся сделать — не ручаюсь что-то утверждать положительно. «Поповщина» мне надо еще изучать, источники пока не могу найти никаких, кроме карикатурно-иронических, трюмке з точки зрения атеизма; у Лескова же совсем не то...

шую погоду со всех сторон за 15—20, да и, пожалуй, более километров. Там все прекрасно: и аллея старых ракит, и мост деревянный через Ворсклу, и рядом сосновый бор, и сама деревня, по планировке которой видно, что это был когда-то крупный населенный пункт, сами домишки с оригинальными крыльчками, но, главное, сам холм, собор, рядом 2 пионера на небольших холмиках, странно и нелепо торчащих там, и «доска почета» почему-то рядом со скорбящим воином. Но ведь несмотря на нелепость (эстетическую и академическую), это та самая, наша, русская и современная действительность! Что-то лубочное, где помещаются несомнательные вещи и понятия, грубоватые и сугубо русские. А слет пионеров и костер на холме у собора! Это ужасно, нелепо, но это та живая жизнь, которую (не саму, а отражение ее) не видишь ни на каких выставках! Искусство отделилось от жизни (пейзажи, правда, бывают, но тоже выдуманные) и прет куда-то в сторону «За трудовую доблесть». Я помню, как на выставке «100 портретов» вдвог увидел, что на самом

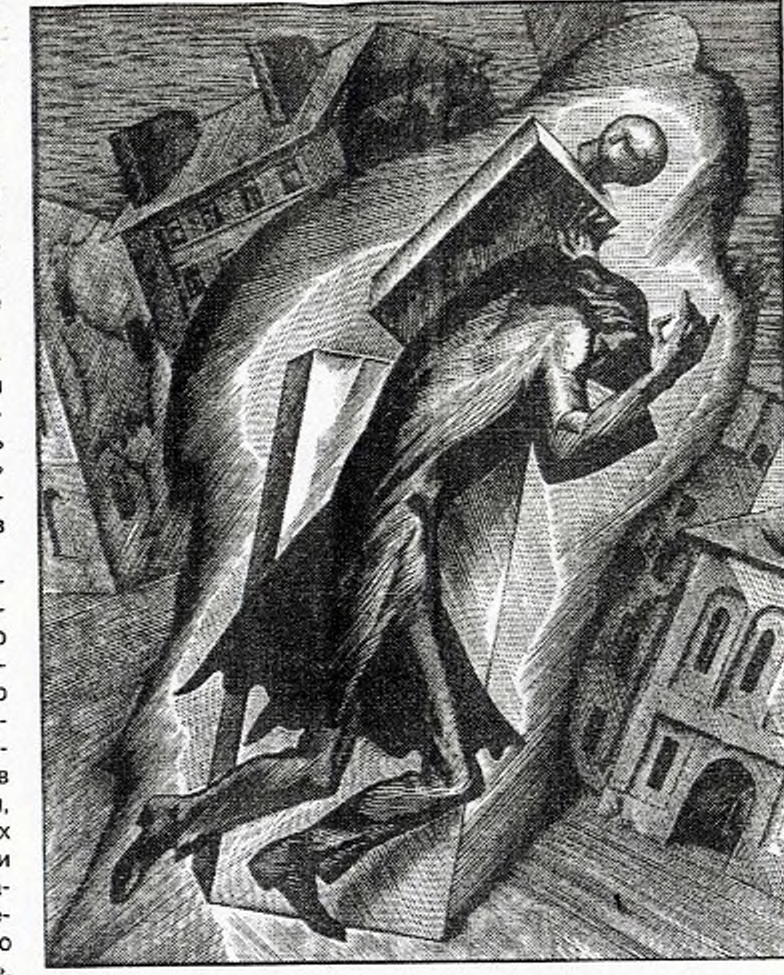
самим совершенно необычную усадьбу, и его ровесник дуб, и ощущения жалости, сожаления и благодарности.

Я вывернул из-за холма и увидел эту усадьбу, одинокую и удаленную от села, и пораженный, сел и начал рисовать. Девочка у плетня гоняла двух раздущихся и квочащих квочек, поглядывала на меня и потихоньку подкралась ближе и ближе, потом, увидевшись почти рядом, но тактично (откуда?) не решаясь заглянуть, что я делаю, и ничего не спрашивая. Я попросил ее не двигаться и быстро нарисовал ее. Сказал: «Ну вот и все», — но она не пошла показывать, и мне пришлось обиженому почти таким безразличием к моей собственной персоне и моему делу, показать самому. Она посмотрела и убежала. Потом вернулась и попросила показать рисунок бабушке. Вернулась и уехала уже сзади. Я, распробив, с кем она живет, сказал, что хоч нарисовать ее дедушке. Она опять умчалась и что-то кричала деду на огороде, потом прибежала опять со стулом и сказала, что дедушка бычас придет. Дед долго не шел, и я решил сам пойти к нему. Уви-

дуларализован уже 14 лет. Усадил его и только начал рисовать, как он полтелк вдруг с покачнувшегося табурета головой прямо в бурьян и крапиву. Я поднял его, усадил на новом месте и, лихорадочно, боясь,

Дорогие Николай Стефанович и Наташа! Сердечно благодарю вас за внимание и заботу, тем более ценные в наше время вежизма и равнодушия. Чем я могу ответить на ваше душевное участие и расположение? Знаю, что моя человеческая благодарность будет недостаточной (и это справедливо!), знаю, что только как художник я могу быть на высоте вашего внимания. А это самое трудное, самое главное и самое дорогое. Многие в жизни могут принять за главное и отдать ему всего себя, но я уже давно признал за главное быть художником и, к сожалению, не могу как на духу признаться, что я художник в высшем понимании всегда и во всем, «заслуженность» не дает права на самодовольное успокоение, это всего лишь разряжение на право стать назревает-то Художником. И никакое звание или положение не может рисующего или пишущего человека сделать Художником. Ху-

дуларализован уже 14 лет. Усадил его и только начал рисовать, как он полтелк вдруг с покачнувшегося табурета головой прямо в бурьян и крапиву. Я поднял его, усадил на новом месте и, лихорадочно, боясь,

Дорогие Николай Стефанович и Наташа! Сердечно благодарю вас за внимание и заботу, тем более ценные в наше время вежизма и равнодушия. Чем я могу ответить на ваше душевное участие и расположение? Знаю, что моя человеческая благодарность будет недостаточной (и это справедливо!), знаю, что только как художник я могу быть на высоте вашего внимания. А это самое трудное, самое главное и самое дорогое. Многие в жизни могут принять за главное и отдать ему всего себя, но я уже давно признал за главное быть художником и, к сожалению, не могу как на духу признаться, что я художник в высшем понимании всегда и во всем, «заслуженность» не дает права на самодовольное успокоение, это всего лишь разряжение на право стать назревает-то Художником. И никакое звание или положение не может рисующего или пишущего человека сделать Художником. Ху-

Дорогие Николай Стефанович, Александра Федоровна и Наташа! Очень маленькая, но все же у меня есть надежда, что кто-то из вас побывает на выставке. На открытие я хотел бы видеть близких моему сердцу людей, принявших доброе и деятельное участие в моей судьбе художника и человека. Поэтому я и осмеливаюсь пригласить вас, несмотря на наше крутое событийное время.

